

«ГЕЙДАР АЛИЕВ БЫЛ ВЕЛИКИМ И ВМЕСТЕ С ТЕМ ОЧЕНЬ ЗЕМНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

Беседа Эльмиры Ахундовой с академиком Джамилем Алиевым

В 2023 году, который Распоряжением Президента Азербайджана объявлен «годом Гейдара Алиева», мы начинаем публикацию уникальных бесед народного писателя Азербайджана Эльмиры Ахундовой с родными и близкими, соратниками, сослуживцами общенационального лидера. На протяжении 15 лет, пока шла работа над многотомником «Гейдар Алиев. Личность и эпоха», Эльмира ханум общалась с огромным кругом людей. Сегодня в её архиве – около 150 интервью и бесед, которые представляют исключительную ценность для нашей истории. Особенно если учесть тот печальный факт, что большинства этих людей уже нет в живых. И их бесценные воспоминания о Гейдаре Алиеве сохранились только на бумаге. Публикация материалов, любезно предоставленных нам народным писателем, будет продолжаться весь 2023 год.

— Вы достаточно близко общались с Гейдаром Алиевым как в советский период, так и во время его второго пришествия к власти. Просьба вспомнить какие-нибудь яркие эпизоды, характеризующие этого выдающегося политика и человека.

— Начну с драматических эпизодов, связанных с его первым инфарктом в мае 1987 года. До этого он никогда не болел. Когда заболела Зарифа ханым, я, можно сказать, весь период лечения находился рядом с ней. Часто вылетал из Баку в Москву, жил в загородной резиденции Гейдара Алиевича в Горках-10. Как-то рано утром, слышу, Гейдар Алиевич меня зовёт. Я спустился со второго этажа, заглянул в маленький спортивный зал, где он делал утренние упражнения, и был просто ошарашен: какая у него физическая подготовка! Во время занятий он задавал себе такие нагрузки, которые под силу профессиональным спортсменам. После упражнений он ещё ходил или плавал. Гейдар Алиевич потом подтрунивал: а ты сможешь это упражнение сделать? Я ведь был значительно моложе его, однако делать подобные кулбиты не рисковал бы. Он был и от природы крепким человеком, и вдобавок следил за своим здоровьем, контролировал вес. Гейдар Алиев в своём окружении полных людей не терпел. Если видел, например, что я поправился, сразу делал мне замечание, мол, а что с тобой будет в моём возрасте, когда ты станешь старше?

После кончины и похорон Зарифы ханым я улетел в Баку. 11 мая 1987 года ко мне позвонил комендант Гейдара Алиева Юрий Петрович Камаев, дескать, вам надо срочно вылететь в Москву. Ничего не могу понять: что случилось, почему такая слякча. «Говорят, у Гейдара Алиевича инфаркт», — отвечает Юрий Петрович. — Билет вам уже заказан».

Я прилетел в Москву и меня сразу повезли на Мичуринский проспект, в Кремлевскую больницу, где я оставался рядом с Гейдаром Алиевым до самой его выписки из больницы. В первые же дни он мне рассказывал, как это случилось. «Пойди, говорит, открой в ванной воду, да посылнее». Вернулся, он спрашивает: — Знаешь, что со мной произошло?»

— Нет, Гейдар Алиевич, я даже не представляю, как такое могло случиться.

— То-то и оно, — усмехнулся он. — Я ведь даже не знал, с какой стороны сердце находится, справа или слева. Приехал утром на работу (а у него в этот

день должна была быть встреча в Баумановском институте — Дж.А.) и почти сразу почувствовал какой-то жар. Чувство нехватки воздуха. Подошёл к окну, открыл его, расстегнул рубашку. Вижу, мне хуже и хуже. Позвонил помощнику, попросил вызвать врача и прошёл в заднюю комнату. Не прошло и двух-трёх минут, как в мою комнату вкатывается каталка с электрокардиографом, следом заходят врачи. Такое впечатление, что они ждали моего вызова. Невозможно так быстро оказаться в моём кабинете.

Как только сделали кардиограмму, сразу, прямо в лицо, сказали: «У вас обширный инфаркт задней стенки». Гейдар Алиевич был ошарашен: какой инфаркт, никаких предпосылок у него никогда не было. Ему говорят: двигаться нельзя, только на носилках, сейчас срочно отвезём вас в больницу. Он, конечно, категорически запретил носилки, его начали пугать тромбом, который в любой момент может оторваться и пр. Но он настоял на своём и спустился вниз своими ногами.

— Теперь что я хочу тебе сказать, — говорит мне Гейдар Алиевич, — и зачем я, собственно говоря, тебя вызвал. Хочу, чтобы ты контролировал ход моего лечения и особенно инъекции, которые мне будут делать, лекарства, которые будут давать. Мало ли чего. Будь рядом!

В этот период у нас было особенно интенсивное общение. Один из эпизодов, который на меня очень сильно подействовал. Пришла фельдсвязь, он принял бумагу, потом позвал меня. Смотрю, он довольный, улыбается:

— Знаешь, чего мне, наконец, удалось добиться? Чтобы одному нашему соотечественнику дали звание Героя Социалистического Труда.

— Я разговаривала с лечащими врачами Гейдара Алиевича — Бородкиным и Чучалиным. Оба удивлялись необычайно быстрой реабилитации организма их пациента, его поразительной силе воле и духа, которые помогли ему за полтора месяца встать на ноги и вернуться к работе.

— Поэтому на Гейдара Алиевича плохо действовала, когда к нему подсылали людей с требованием уйти в отставку. Помню, пришёл Евгений Чазов и попросил повлиять на Гейдара Алиевича в этом вопросе. Я отказался это сделать. Кто я такой, чтобы советовать члену Политбюро, как ему поступать? Это исключается. К сожалению, они потом сами его этим вопросом «доставали».

Ещё один эпизод конца 90-х годов, это было уже после операции на сердце. Он плохо себя чувствовал, к тому же у него обнаружилось воспаление лёгких, что осложняло ситуацию. Помню, я навестил его, мы поговорили, а потом, часов в 8 вечера, я решил откланяться, так как знал, что наутро Гейдару Алиеву предстояло выступать на каком-то серьёзном совещании.

— Гейдар Алиевич, разрешите я пойду? Вы, наверное, должны готовиться к завтрашнему выступлению, а я вам мешаю.

Он на меня удивленно посмотрел и спрашивает:

— Что я должен делать?

— Готовиться... — смущенно пробормотал я, понимая, что сказал что-то не то.

— А зачем?

И тогда я решился спросить:

— Извините меня, Гейдар Алиевич, как это у вас получается, что вы во время выступления ничего не записываете, в бумагу не заглядываете. Называете имена, фамилии, цифры, при этом речь ваша последовательна так, как будто её заранее написали и выучили. Откройте свой секрет.

— Сам не знаю, — пожал плечами Гейдар Алиев. — Когда я начинаю говорить, у меня все само собой выстраивается.

Это — фантастика. К нам столько президентов приезжает, именитые, известные во всём мире политики. Но ведь они в основном по бумажке выступают. А он — никогда. И, кстати, этот талант, этот дар оратора передается по наследству Ильхаму Гейдаровичу.

Про его память вспоминается мне ещё один поразительный эпизод. Во время второго пребывания у власти он решил встретиться с Татлиевым, назначить его на должность в Торговой палате. Спрашивает про него у помощников, они говорят, что тот давно не работает, живёт где-то на даче, они, мол, пытаются его найти, но пока безуспешно.

— А вы домой ему позвоните, — предложил Гейдар Алиевич.

— Мы его телефона не знаем, — отвечает помощник.

И тут Гейдар Алиевич по памяти воспроизводит этот номер. Предоставляет? Прошло, наверное, более 20 лет с тех пор, как он им последний раз пользовался. Однако телефон-

ный номер отпечтался в его памяти навечно.

Помощник позвонил по этому телефону и действительно нашёл Сулеймана Татлиева. Это мне сам Татлиев рассказывал.

— Последние годы Гейдар Алиев работал с 9 утра до 3 часов ночи. Постоянные стрессы, сложные события в стране, многочасовые переговоры и перелёты. Вы как врач давали ему советы не перегружать себя, побережь сердце?

— Я с ним на эту тему категорически не говорил. Помню в Москве, после кончины Зарифы ханым, я ему как-то сказал, может, не стоит каждый четверг ездить на кладбище? Это ведь морально тяжело, на вас плохо действует. Но он никого и слушать не хотел. Даже последний случай, когда Гейдару Алиевичу стало плохо во Дворце «Республика»... Мы все просили его не выходить больше на сцену, но он вернулся и завершил своё выступление.

— Удивительно ещё, как он согласился пойти на операцию.

— Когда у Гейдара Алиевича в первый раз случился приступ аритмии, кардиологи настояли на обследовании и на коронарографии. Сделали обследование в США, увидели, что ряд сосудов закрыт, и посоветовали сделать операцию. Гейдар Алиевич с уважением отнёсся к советам врачей. К сожалению, после успешно проведённой операции он вскоре заработал в полном режиме, не щадил себя и своё сердце. Этот человек просто не мог работать в полисилы.

— До 1999 года с ним рядом во время поездок по стране, во время визитов за рубеж не было врачей. Даже медсестры. Как вы к этому относились?

— Я его неоднократно просил пересмотреть эту позицию. Приводил примеры, пытался убедить, мол, у вас элементарно может заболеть голова. У кого вы будете просить лекарство, к кому обращаться? Укол там какой-то сделать, ещё что-то. Но он не хотел об этом слышать. «Мне, говорит, никто не нужен».

После инфаркта и своей отставки Гейдар Алиевич внешне очень сдал, был исхудавшим, казался больным и изнурён-

ным. Таким же он прилетел в Баку. Как вы знаете, здесь ему не дали житья и он улетел в Нахчыван. Где-то через месяц я приехал проведать его и был поражён. Мы привыкли, что он ел бессолевую постную пищу, сидел на диете. И вдруг я увидел, как он ест в большой кюсе баранину. Я у него с ужасом спрашиваю: «Гейдар Алиевич, вам это можно?» — «Здесь мне всё можно», — ответил Гейдар Алиев. И действительно, он пришёл в себя, поправился, поздоровел. Он ведь жил в непростых бытовых условиях, маленькая комнатка, где кресло было приставлено к раскладушке, чтобы он мог ноги вытянуть. А ведь он мог бы жить в гостевом доме. И, представьте себе, в этих стеснённых условиях он чувствовал себя вполне комфортно. Вообще, к внешнему комфорту, к земным благам он относился равнодушно.

Любовь и забота близких, которые относились к нему как к родному отцу, востребованность у родного народа буквально воскресили его. Нахчыван и нахчыванцы действительно спасли его. Это не преувеличение.

— В ответ на спас Нахчыван от голода и военной агрессии.

— Вы правы. Это была удивительная обратная связь. Гейдар Алиев был настолько гениальным политиком, настолько у него была развита интуиция, что он на подсознательном уровне почувствовал, что только там, на родине, он может жить и выстоять, только там сможет спастись физически. А на чужбине он может просто умереть из-за недостатка кислорода, в образном смысле этого слова.

— Какие главные черты характера он больше всего ценил в окружающих его людях?

— Честность и преданность. После того как его сняли с постов, очень многие его предавали. Команда, которую он вырастил, которая клялась: «Мы пойдём за вами хоть на край света», эта команда в трудную минуту его не поддержала. Он многих простил, понимал, что кто-то поступал так вопреки велению сердца, кому-то из Москвы приказывали, кто-то боялся за карьеру, за будущее дей...

— Что дали вам лично годы общения с Г.Алиевым?

— Очень многое. Общение с такой уникальной личностью — это величайшее благо. Я до сегодняшнего дня скучаю по нему. Мне его не достаёт. Многие считали Гейдара Алиева жёстким человеком. Не знаю, в силу чего сложилось такое представление. В быту, в семье Гейдар Алиев был мягким человеком. Правда, никто из нас не мог себе представить, что можно увидеть слезы на его глазах. Однако, когда умерла Зарифа ханым, этот волевой человек плакал, как ребёнок! От жёсткости до сентиментальности — всё в нём было собрано. Он был настоящим земным человеком. Великим и, вместе с тем, очень земным. Он любил жизнь и в нём всё гармонично сочеталось.